

ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСЛАМСКОМ МИРЕ
.....**А. В. Баранов***

Роль государств с преобладанием мусульманского населения в мировой политике неуклонно возрастает. Становятся актуальными вопросы политического устройства данных стран. Каковы субъекты центр-периферийных отношений? Каким образом сочетаются традиционные и современные компоненты федеративных систем? В чем выражено влияние ислама на политические практики федерализма? Насколько едины либо многообразны варианты федерализма в различных странах исламской цивилизации? В каком направлении развиваются эти страны? Ответы на поставленные вопросы всё более важны и для России, где повышается демографический и социальный потенциал исламской общины.

Как отмечает известный исследователь географии религий П.И. Пучков, в 1996 г. на планете насчитывалось 1,126 млрд мусульман (19% всего населения земного шара), причем 72,3 % из них проживали в Азии (включая страны ближнего зарубежья). Еще 11,5 % мусульман мира составляют подавляющее большинство жителей арабских стран Магриба (Северной Африки) [14, с. 738–739]. Эта географическая реальность определила выборку стран, в которую вошли Пакистан, Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия. Дан также краткий обзор причин провала федералистских проектов в ряде стран исламского мира: Египте, Сирии, Судане, Индонезии, Йемене.

Исламская Республика Пакистан – крупнейшее государство мусульманского мира из числа избравших федеративный строй. Пакистан имеет территорию в 796 тыс. кв. км и быстро растущее население – 144,6 млн чел. (2001 г.). Страна религиозно однородна (97 % верующих – мусульмане, из них 75 % – сунниты). Главные факторы мозаичности – экономическая неравномерность развития 4 провинций, а также этноязыковый состав. Официальный язык урду является

* Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: baranova@kubstu.ru.

родным лишь для 8 % жителей. Распространены также языки панджаби (48 % населения), синдхи (12 %), сирайки (10 %), пушту (8 %), балучи (3 %) [17, с. 475–476]. Между этноязыковыми сообществами существуют застарелые конфликты.

Пакистан и Индия – два государства, рожденных в итоге раздела Британской Индии комиссией Маунтбэттена (1947 г.). Обе страны имеют поэтому «родовую травму» пограничных конфликтов и соперничества. Полезно выяснить, как исходная вестминстерская система правления совершенно по-разному трансформировалась в независимых Пакистане и Индии из-за своеобразия социокультурных традиций.

Пакистан получил независимость в 1947 г. по инициативе светских националистов. Юридически страна была объявлена парламентской республикой и федерацией равноправных провинций [13]. Но на деле большую часть 56-летней истории Пакистана им правили военно-диктаторские режимы, приостанавливавшие действие конституций или не соблюдавшие их. Действие последней редакции основного закона страны (1985 г.) также сейчас приостановлено после захвата власти генералом П. Мушаррафом (1999 г.).

Система органов федеральной власти Пакистана. Глава государства – президент избирается на 5 лет коллегией выборщиков из числа депутатов федерального парламента и легислатур провинций. Полномочия президента чрезвычайно велики: он вправе распустить парламент по совету премьер-министра или из-за вотума недоверия правительству, имеет отлагательное вето на акты парламента, назначает губернаторов и членов высших судов провинций. Президент Пакистана назначает также членов избирательных комиссий страны и провинций, имеет преимущественное право законодательной инициативы. Он вправе приостанавливать действие Конституции в отдельной провинции, вводить там временное президентское правление или концентрировать всю власть в руках губернатора, распуская провинциальную легислатуру и правительство.

Парламент Пакистана состоит из 2 палат. Нижняя – Национальная ассамблея – избирается всеобщим прямым голосованием на 5 лет. В её составе 217 депутатов, включая квоту 10 чел. для представителей религиозных меньшинств. Верхняя палата парламента – Сенат – формируется голосованием провинциальных легислатур на основе равного представительства провинций (по 14 чел.). Столичный федеральный округ делегирует 3 сенаторов. Нижняя палата парламента посылает 8 представителей от «территории племен», управляемой из центра. Срок полномочий парламента – 6 лет с ротацией каждые 2 года. Из-за этнокультурного районирования в Пакистане крайне велико неравенство потенциалов провинций. Например, провинция Пенджаб имеет в Национальной ассамблее 115 мест из 217, Синд – 46, а Белуджистан – 11. При этом экономическое развитие провинций также крайне неравномерно. По дан-

ным В.А. Колосова, Пенджаб и Синд в 1980-х гг. имели 93,1% промышленных предприятий страны [8, с. 399].

Курс на исламизацию страны закрепил с 1977 г. невиданную для демократического мира систему раздельного голосования религиозных общин [5, с. 236]. Поэтому закономерна резолюция Европарламента «О религиозной нетерпимости и авторитаризме в Пакистане» (17 декабря 1998 г.), которая призвала власти страны пересмотреть законы о сегрегации религиозных меньшинств, провести переговоры с их лидерами о справедливом представительстве их интересов [12, с. 224–225].

Распределение обязанностей двух палат в Пакистане де-юре такое же, как в индийском парламенте. Однако на деле парламент реализует модель «номинальной демократии», поскольку интеграция традиционалистского общества на основе западных парламентских норм малоэффективна. Уже первая Конституция Пакистана (1956 г.) узаконила требования теоретика фундаментализма А.А. Маудуди и его партии «Джамаат-и Ислами». Провозглашалась «верховная власть Аллаха над Вселенной», приоритетность шариата в сравнении со всеми законами [5, с. 231–235]. Диктатор Зия уль-Хак, правивший в 1977–1988 гг., учредил «консультативные советы» (Маджлис-и-Шура) общегосударственного и провинциального уровней. Премьер-министр Наваз Шариф и сменивший его Первез Мушарраф проводят исламизацию всей политической системы на основе идеи Маудуди. По меткому наблюдению О.В. Плешова, данная система предполагает всевластие главы государства. Остальные органы лишь разрабатывают рекомендации, не обязательные к исполнению. Шариат определяет все политические установления и нормы деятельности. Партии и этнорелигиозные группировки находятся под авторитарным контролем государства [12, с. 222–224].

Центральная исполнительная власть – правительство и его министерства – назначаются президентом страны. Его состав представляет интересы партии большинства в Национальной ассамблее, формируется только из депутатов парламента. Обе палаты могут сместить премьер-министра простым большинством голосов, а также объявить вотум недоверия всему кабинету.

Судебная власть страны принадлежит Верховному суду и Федеральному исламскому шариатскому суду. Первый из них воплощает светское начало в политической системе. Главный судья назначается президентом. Традиционно Верховный суд имел значительную автономию, состав судей формировался главным судьей. В нарушение норм Конституции режимы 1990-х гг. обсуждали деятельность Суда в подконтрольном себе парламенте. В 1999 г. впервые неудобный главный судья был свергнут. 15-я поправка к Конституции Пакистана (1998 г.) установила верховенство Корана и Сунны в правовой системе, т.е. ввела главенство Федерального исламского шариатского суда в отношении светских учреждений.

Система региональных властей Пакистана полностью подконтрольна общегосударственному режиму. Губернаторы назначаются президентом, но вместе с тем являются полновластными «хозяевами» в пределах своих провинций. Они формируют и распускают региональные правительства, становятся единственным законным институтом власти на время чрезвычайного либо президентского правления. Законодательные собрания провинций состоят из 1 палаты, весьма различаются по числу депутатов (от 40 до 240). Президент страны вправе приостанавливать действие Конституции в отдельной провинции, распускать её легислатуру. Часто органы власти провинций даже обгоняют центр в стремлении исламизировать систему правления. Это вызывает ожесточенные межобщинные столкновения с массовыми жертвами [12, с. 215; 18, с. 358–359] и приводит к активизации сепаратистских движений белуджей и пуштунов.

Высокая централизованность системы власти Пакистана причудливо сочетается с асимметрией статусов территорий. «Территории племен федерального управления» на севере страны, а также провинциальные «зоны племен» не подчинены власти федерального парламента и Верховного суда. В их пределах действуют кодексы обычного права, советы старейшин и средневековое всеобщее ополчение. На данные территории распространяется только исполнительная власть президента и правительства страны.

Захваченная в 1947 г. Пакистаном часть княжества Джамму и Кашмир официально считается независимым государством Азад Кашмир. Однако эта территория управляется и финансируется пакистанским правительством, состоит под военным контролем Пакистана. Именно в пакистанском секторе Кашмира базируются лагеря религиозных экстремистов, совершающих рейды на территорию Индии. Кашмир трижды становился поводом к военным конфликтам Пакистана и Индии, в 1998 г. объявившим об обладании ядерным оружием.

Итак, Пакистан являет собой яркий пример номинальной демократии, при которой исходная модель федерализма все более выхолащивается, а часто сменяющиеся военно-диктаторские режимы тяготеют к унитаризму и исламскому теократизму.

Совершенно иная модель решения политико-территориальных проблем создана в *Федерации Малайзия*. Эта страна Юго-Восточной Азии – также плод колониального владычества Британской империи до 1957 г., с чем связана социокультурная «незакрепленность» границ и необходимость создания единой государственной идентичности. Территория в 392,7 тыс. кв. км состоит из двух обособленных регионов: Малайского полуострова и северной части острова Калимантан. Население в 23,8 млн чел. (2001 г.) весьма разнообразно. Малайцы составляют 65,1 %, китайцы – 26, индийцы – 7,7 %. Этническая мозаика почти совпадает с конфессиональной: мусульмане-сунниты составляют 60,4 %, буддисты – 19,2, христиане – 9,1, индуисты – 6,3 %. Этнорелигиозный состав населения резко различается в Малайе и Калимантане [17, с. 504].

История малазийского федерализма крайне важна для понимания его современной модели. После войны за независимость в 1957 г. была образована *Малайская Федерация* в континентальной части нынешних пределов страны. Дальнейшая борьба привела к уходу английских колонизаторов из Сингапура, Саравака и Сабаха (1963 г.) и их включению в состав переименованной *Федерации Малайзии*. Но уже в 1965 г. Сингапур по обоюдному согласию сторон вышел из Федерации и стал независимой республикой. Причиной этого являются резкие различия в этнорелигиозном облике общества. На фоне сравнительно однородной исламской Малайи Сингапур имел преобладание немусульман – китайцев и индийцев, создавая серьезный дисбаланс экономической власти в свою пользу. Выход из Федерации Сингапура восстановил равновесие общин. С 1965 г. Малайзия существует в современных границах.

Как отмечает А. Лейпхарт, Малайзия – страна отчетливо многосоставная. Каждый из 3 этнорелигиозных сегментов (малайский – исламский; китайский – конфуцианский и буддистский; индийский – индуистский и христианский) социально изолирован и имеет высокую степень специализации. Малайцы – это чаще всего крестьяне, рабочие и чиновники; китайцы и индийцы – торговцы и интеллектуалы. Велики различия в доходах (китайцы в 2–3 раза богаче малайцев). Ареалы расселения общин нечетки и не совпадают с границами штатов [11, с. 188, 192–194]. Лейпхарт отмечает, что «большая коалиция» всех общин поощрялась англичанами и предусматривала в 1957–1969 гг. значительную степень самоуправления сегментов в социальной и культурной сферах. Режим правления Национального альянса был «делкой: первенство в сферах политики и управления давалось малайцам в обмен на сохранение экономической гегемонии китайцев. Такой обмен был выгоден для обеих сторон» [11, с. 188].

Модель «сообщественной демократии» в Малайзии подверглась серьезной корректировке во время кризиса 1969–1971 гг. После двух лет чрезвычайного правления малайских элит парламент был восстановлен, но Конституция закрепила привилегированное положение малайцев. Идеологическая доктрина «Основы государства» (1970 г.) предусматривает создание единой многорасовой нации. Подчеркивается привилегированное положение «коренных народов». Малайский язык объявлен официальным, а ислам стал государственной идеологией. Обсуждение этих принципов в обществе не допускается [6, с. 193].

Итак, Малайзия с 1969 г. развивает федерализм в условиях авторитарного режима. Несовпадение «линий напряжения» в территориальной и этнорелигиозной системах позволило стабилизировать федеративный строй.

Структура Федерации Малайзии не имеет аналогов в мире. Она состоит из 13 штатов («негери») и 2 федеральных территорий («вилаях персекутан») – столичной и окраинной. 9 из 13 штатов – наследственные монархии, 4 управляются губернаторами по назначению главы государства. Из 9 монархий – 7 султанатов (с мусульманским населением), в одной властвует раджа, еще в од-

ной – правитель. Таким образом, структура Малайзии отражает этнорелигиозную мозаику страны.

Федеральная система властей. Малайзия вместе с Объединенными Арабскими Эмиратами является последней из некогда широко распространенных на планете выборных монархий. 9 малайзийских монархов образуют Совет правителей (с совещательным голосом в нем участвуют также 4 губернатора). Монархи избирают одного из своего круга Верховным главой Малайзии на 5 лет с последующей ротацией. Функции этого правителя слабы. Совет правителей также рекомендует к назначению судей, генерального прокурора, членов избирательных комиссий. Он вправе изменять границы субъектов федерации.

Реальная власть принадлежит *премьер-министру*, представляющему партию большинства в парламенте. Правительство формируется и распускается с согласия Верховного правителя.

Высшая законодательная власть – парламент. Нижняя, палата представителей («деван ракьят»), состоит из 193 чел. Они избираются прямым порядком на 5 лет по мажоритарной системе, что дает преимущество малайцам-мусульманам. В верхнюю палату, Сенат («деван негара»), входят 70 чел.: 40 сенаторов назначаются верховным правителем на 6 лет, а 30 – парламентами 15 субъектов федерации на 3 года (по 2 сенатора от каждого штата и от каждой федеральной территории) [8, с. 400–401; 16, с. 294–295].

У каждого штата своя конституция. Главы 9 штатов – наследственные монархи, имеющие судебный иммунитет и статус главы религиозных общин своего региона. Губернаторы 4 других штатов и 2 территорий назначаются Верховным правителем. Он же вправе отстранить их от должности. В каждом штате есть свое однопалатное законодательное собрание.

Правительства штатов назначаются по воле монархов и губернаторов из представителей партии, победившей на региональных выборах.

11 штатов на Малайском полуострове имеют Верховные суды (в том числе с конституционными функциями), подчиненные федеральным инстанциям. Права судов на Калимантане (штаты Саравак и Сабах) урезаны.

Таким образом, Малайзия создала достаточно гибкую модель федерализма, в которой согласование интересов центра и регионов происходит в рамках «полуконкурентного, частично плюралистического режима» (по Л. Даймонду) [16, с. 302–303].

Третья и наиболее стабильная модель федерализма в исламском мире применяется в *Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ)*. Еще 40 лет назад пустынные берега Персидского залива были глубокой периферией мировой политики и экономики. Ныне ОАЭ – динамично развивающаяся страна, причудливо сочетающая в своем строе черты постмодерна и традиционализма.

Путь к современной федерации. На южных берегах Персидского залива существовали абсолютистские эмираты (англоязычное название – sheikdom). С 1853 г. они были протекторатом, а затем колониальным владением Британской

империи. Незадолго до освобождения (1968 г.) было подписано соглашение о федерации, из которой вскоре вышли соседние Бахрейн и Катар. В конце 1971 г. колония «Договорной Оман» провозгласила независимость и обрела современное название – ОАЭ. Успехи модернизации страны связаны с колоссальными нефтяными ресурсами – 13,4 млрд т., или 9,3 % мировых запасов [1, с. 17].

Религиозно-идеологическая доктрина государства в ОАЭ – исламская теократия. Конституция страны (ст. 7) провозглашает шариат главным, фундаментальным источником законодательства. Запрещена деятельность полноценного парламента и партий как якобы подрывающих единство исламского общества (уммы) [15, с. 18].

В ОАЭ входит 7 эмиратов. Ключевую роль во властвовании имеют самые зажиточные – Дубай и Абу-Даби. Строй ОАЭ носит отчетливый отпечаток бывшего конфедерализма. Например, Конституция 1971 г. называет причиной объединения экономический и таможенный союз (ст. 11); каждый эмират самостоятельно определяет способы отбора своих представителей в Федеральном совете (ст. 69). Династии каждого эмирата самовластны.

Система органов федеральной власти. 7 наследных монархов-эмиров образуют главный орган – *Высший совет*, избирающий из своего состава *президента* ОАЭ на 5 лет. Однако всякий раз главой Совета переизбирается эмир Абу-Даби, самого мощного шейхства страны (86 % её территории). Заместителем главы с тем же постоянством переизбирается эмир Дубая. Высший совет согласно ст. 47 Конституции формулирует общую политику по всем вопросам ведения государства; принимает законы; ратифицирует международные акты; одобряет назначение и принимает отставку председателя правительства; одобряет назначение и смещает членов Верховного суда [4, с. 123]. Глава Высшего совета в соответствии со ст. 54 «направляет обсуждение»; созывает Совет по требованию хотя бы 1 члена; созывает объединенные заседания Совета и правительства; вводит в действие нормативные акты Совета; назначает и смещает правительство с согласия Совета; наблюдает за осуществлением нормативных актов [4, с. 124].

Исполнительную власть реализует совет министров ОАЭ под контролем Председателя государства и Высшего совета. Ключевые посты постоянно отводятся членам правящей династии либо их родственникам.

Законодательная власть, как явствует из Конституции ОАЭ, принадлежит коллегии монархов и Председателю Высшего совета. Поэтому ОАЭ можно считать абсолютной монархией. Правда, предусматривается существование *законосовещательного органа* – *Федерального национального совета (ФНС)*, состоящего из 40 представителей эмиратов. Абу-Даби и Дубай имеют по 8 мест с правом вето на решения; Шарджа – 6; Рас-эль-Хайма, Аджман, Умм-эль-Кайвайн и Эль-Фуджайра – по 4 места [4, с. 123]. Каждый эмират свободно определяет способ отбора своих представителей. Они состоят в ФНС 2 года с правом переизбрания. ФНС не является органом высшей законодательной

власти, так как назначается эмирами, и его решения не обязательны для исполнения Председателем Высшего совета и советом министров. Правительство вправе запретить обсуждение некоторых вопросов. Если возникает противоречие между законопроектами либо резолюциями ветвей власти, то монарх вводит в силу текст, предложенный правительством и утвержденный Высшим советом. Главные обязанности ФНС сосредоточены в сфере финансового и бюджетного контроля.

ОАЭ имеют *Федеральный высший суд*, действующий на основании норм шариата.

Система органов власти регионального уровня. В отличие от монархических штатов Малайзии, эмираты ОАЭ не имеют своих конституций и парламентов. «Шейхи» формируют исполнительные советы, обычно во главе с представителями своих династий. В 4 субъектах федерации из 7 действуют собственные суды высшей инстанции.

Разграничение полномочий между уровнями власти. Конституция ОАЭ относит к вопросам ведения государства внешнюю политику, безопасность и оборону, валютное регулирование, гражданство и иммиграционный контроль, телекоммуникации, социальную политику. Все остальные вопросы решаются эмиратами (ст. 3), что соответствует доктрине разделенного суверенитета. Органы власти федерального уровня должны советоваться с эмиратом при заключении межгосударственного договора или соглашения, которое может влиять на статус эмирата (ст. 124). Субъекты ОАЭ могут объединяться либо создавать совместные структуры управления. Все конфликты уровней власти решает Высший совет в составе 7 эмиратов (ст. 118, 124).

Итак, Объединенные Арабские Эмираты – уникальный пример абсолютистской монархии с федеративным строем. ОАЭ сочетают традиционные способы учета региональных интересов с «импортом институтов» западной демократии. Федерализм имеет ярко выраженный элитарный и сословный характер. Патриархально-авторитарные отношения в обществе ОАЭ делают обрисованный строй эффективным. За 35 лет развития федерации сколько-нибудь выраженные конфликты не возникали.

Политические уроки «неудавшихся федераций» в исламском мире. Границы и внутренняя структура стран исламского Востока, как правило, не отражают этноязыковые и социокультурные реалии. Таковы и многовековая практика традиционных государств, и наследие западных колонизаторов XVIII–XX вв. Поэтому национально-освободительные движения 1940–1970-х гг., которые привели к созданию независимых государств Азии и Африки, часто выдвигали проекты перекройки политической карты «третьего мира». В аспекте федерализма эти попытки были двух видов:

1) слияние ранее самостоятельных государств в конфедерацию, а затем – в федерацию;

2) образование внутри бывшей унитарной страны субъектов федерального государства.

Эксперименты по созданию федеративных систем получали идеологическое обоснование. В первом случае это были доктрины панисламизма, «арабского единства», т.е. преодоления колониальных расколов «исторической общности». Во втором случае федерация воспринималась как компромисс между враждующими этносами, религиозными группами, региональными сообществами. Строительство федераций обычно шло в условиях острых международных и внутренних конфликтов, экономико-социальной и культурной отсталости от Запада.

Первый путь – межгосударственную интеграцию – избрали молодые республики арабского мира [2; 10]. В 1950-х гг. к власти в Египте, а затем в Сирии и Ираке приходит Партия арабского социалистического возрождения (БААС). Особенно ярко её курс проявился в действиях президента Египта Г.А. Насера (1952–1971 гг.). Идеология панарабизма стала официальной для этих стран.

В феврале 1958 г. по итогам египетско-сирийского договора о совместной обороне создается Объединенная Арабская Республика (ОАР) [3]. Механизмом объединения стал одновременный плебисцит в Египте и Сирии. Временная Конституция ОАР объявила, что республика состоит из 2 районов (стран-учредителей). Введен пост президента ОАР, избираемого всенародным голосованием. Он получил широчайшие полномочия: возглавлял союзное правительство и армию, имел право распускать парламент. В каждом из районов ОАР существовали свои правительства. Но экономические и политические противоречия делали ОАР шаткой. Осенью 1961 г. Сирия после военного переворота правоавторитарного толка вышла из состава ОАР. По инерции Египет сохранял наименование ОАР до 1971 г. Насеристы пытались также привлечь в свою федерацию Северный Йемен, имевший тогда монархическое правление. В марте 1958 г. был создан Союз объединенных арабских государств – конфедерация ОАР и Северного Йемена, открытая для вступления новых участников [18, с. 514, 365]. Члены данного Союза сохраняли свой международный статус и формы правления, но обязывались проводить единую внешнюю политику и создать общую армию. И эта структура оказалась недолговечной. В противовес ей англичане создали колониальную Федерацию Южной Аравии (1962–1967 гг.), быстро преобразованную в унитарное государство сразу после обретения независимости.

В 1970-х гг. инициатива арабской федерализации перешла от Египта к Ливии. Ее революционный лидер М. Каддафи многократно выдвигал планы объединения с соседними странами. В 1970 г. была подписана Декларация о намерении создать *Федерацию Арабских Республик* (юридически существовала в 1972–1977 гг.). Рыхлый союз включал в себя Ливию и Египет, также декларировалось принятие Судана и Сирии. Идеологическая несовместимость уничтожила формальное объединение. В 1974 г. подписана Декларация о слиянии Ливии и

Туниса в *Арабскую Исламскую Республику*, но она не ратифицировалась парламентами обеих стран. Последующие проекты также остались на бумаге.

Периодически *Египет* и *Судан* заявляют о своем федеративном союзе. Но эти намерения бесплодны из-за несовместимости политических систем. Египет – светская республика с однородным арабским населением. Судан – теократическое государство, где часто правят военные диктаторы и существует застарелый сепаратизм христианского Юга страны.

Единственный пример успешного объединения арабских стран – Республика Йемен, которая в 1990 г. была создана путем слияния двух независимых республик. Однако оба бывших государства были унитарными и не пожелали менять форму устройства. Поэтому йеменский случай не подтверждает успешность федерализма в арабских республиках, а опровергает его.

Потерпели неудачу и монархические федерации, искусственно созданные англичанами в Ливии (1951–1963 гг.) и Южном Йемене (1962–1967 гг.). Они не выдержали груза межобщинных конфликтов и сменились в итоге военных переворотов унитарными режимами.

Полвека независимого развития арабского мира доказали, что наиболее эффективны экономические межгосударственные организации, не сковывающие действия своих участников так же жестко, как панарабистские федерации. Позитивен опыт таких международных организаций, как Организация Исламская Конференция, Лига арабских государств, Организация стран – экспортеров нефти, Совет сотрудничества стран Персидского залива. К политическому же объединению в федерацию арабские страны до сих пор оказывались неготовыми.

Второй вариант, создание субъектов федерации внутри ранее унитарных, но многосоставных обществ, предпринимался в Индонезии и Судане.

Индонезия относится к крупнейшим странам Востока (территория 1904,3 тыс. кв. км, население 214 млн чел. в 2001 г.). В этнической структуре доминируют народы индонезийской группы (96 %), а в религиозном составе – мусульмане (88 %) [17, с. 495]. Однако страна оставалась дезинтегрированной в этноязыковом, религиозном, регионально-экономическом измерениях. Ее границы достаточно произвольны (проведены голландскими колонизаторами в XVII–XIX вв.). Многие из 17 тыс. островов в стратегически важном регионе на стыке Индийского и Тихого океанов имеют обособленные политические традиции. Жители Северной Суматры, Молуккских островов, Сулавеси тяготеют к сепаратизму. Поэтому федерация стала непрочной переходной формой от Голландской Индии к независимому унитарному государству. *Соединенные Штаты Индонезии* просуществовали меньше 1,5 лет (1949–1950 гг.), поскольку воспринимались большинством жителей страны в качестве марионеточного, неокOLONИАЛЬНОГО образования.

А. Лейпхарт отмечает два серьезных изъяна в федеративной системе Индонезии, которые с самого начала обрекли её на провал [11, с. 221, 230–235,

255]. Первый и основной – произвольное определение границ штатов и провинций, что свело на нет главное преимущество федерализма в многосоставном обществе. Вторым изъян – прочная взаимосвязь федерации с интересами колонизаторов, с их стратегией «разделяй и властвуй». Вновь возможность федерализма в Индонезии возникла после свержения диктатора Сухарто (1998 г.). Однако слабость центральной власти и разгул сепаратизма заставили переходные правительства отказаться от коренных реформ унитаризма [7; 19].

Судан – другой пример провала федералистских замыслов. Эта крупнейшая по территории страна Северной Африки находится в контактной зоне арабского и африканского миров. Арабы составляли на начало 2002 г. лишь 39 % жителей, а негроидные племена – 52 %. Среди верующих преобладают мусульмане (70 %) [17, с. 409–410], остальные – язычники и христиане, проживающие на юге. Южане на протяжении всего периода независимости (с 1956 г.) борются за отделение от арабской части страны. Особую ожесточенность эта борьба приобрела с 1984 г., когда в Судане установился исламский фундаменталистский режим, проводящий жесткую унификацию страны [9, с. 22, 54–61]. Попытки найти компромисс в создании федерации предпринимались много раз (1969–1970, 1972–1979, с 1995 гг.). Конституция 1998 г. объявила Судан федеративной, многонациональной, поликонфессиональной республикой. Вместо 9 вилайетов было создано 25 штатов. Однако в стране сохраняется диктаторский теократический режим. Права мятежного Юга не представлены в общегосударственных органах власти. Следовательно, нет оснований считать Судан федерацией на деле [13, с. 616–617].

Итак, можно сделать вывод: социокультурная система исламского мира такова, что федерализм приживается с огромным трудом. Успешные модели федерализма (Малайзия и ОАЭ) видоизменяют традиционный корпоративизм и лишь в небольшой мере внедряют западные нормы конкурентной демократии. Менее удачна пакистанская модель, в силу общественных конфликтов выходящая базовые принципы федерализма. «Коэффициент полезного действия» федераций в исламском мире невысок, что подтверждается провалом соответствующих экспериментов в Индонезии, Египте, Йемене и других странах. Потенциал коренной демократизации обществ исламского мира остается невысоким. Попытки «импорта институтов» чаще всего отбрасывают реформаторов еще дальше от поставленных целей в силу высокого «сопротивления материала».

Библиографический список

1. Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. М.: ДиС, 2000.
2. Антиясов М.В. Панарабизм: идеология и политика. М.: Мысль, 1981.
3. Беляков И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. М.: Мысль, 1981.

4. Временная Конституция Объединенных Арабских Эмиратов // Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М.: Изд-во Моск. независ. ин-та междунар. права, 1997.
5. *Гареева Г.И.* Исламский фундаментализм и опыт государственного строительства в Пакистане // Ислам и политика. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2000.
6. *Дорофеева Т.В.* Языковая ситуация и языковая политика в Малайзии // Языковая политика в афро-азиатских странах. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1977.
7. *Другов А.Ю.* Доктрина национальной целостности Индонезии – испытание прогрессом // Восток. 1999. № 1.
8. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
9. *Крылов А.Г.* Сепаратизм: истоки и тенденции развития. М.: Знание, 1990.
10. *Левин З.И.* Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988.
11. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1998.
12. *Плешов О.В.* Исламизм и номинальная демократия в Пакистане // Ислам и политика. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2000.
13. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2002.
14. *Пучков П.И.* Ислам // Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
15. *Сапронова М.А.* Арабский Восток: власть и конституции. М.: РОССПЭН, 2001.
16. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002.
17. Страны и регионы мира. 2003: Экономико-политический справочник / Под ред. А.Д. Булатова. М.: Проспект, 2003.
18. Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Гаджиев и др. М.: МГУ, 2000.
19. *Черепнева Е.А., Шабалина Г.С.* Индонезия: проблема национального единства и территориальной целостности // Восток. 1999. № 5.